

Валентина Голубовская

Эфрусси. Ренуар. Саша Розенбойм

Эдмунд де Вааль
Заяц с янтарными глазами
Скрытое наследие
Москва, АСТ, 2015

Не устаю удивляться этим «странным сближениям», этим сжимающимся в невероятный клубок времени и культуре!

Так случилось, что я закончила чтение потрясающей книги Эдмунда де Ваала «Заяц с янтарными глазами. Скрытое наследие» в день рождения Огюста Ренуара, с которым были тесно связаны предки автора этой книги. В этой книге о Ренуаре написано много.

Эдмунд де Вааль – известный английский художник-керамист, потомок знаменитого

рода Эфрусси, выходцев из Одессы, ставших не только влиятельными банкирами, но и меценатами, коллекционерами.

После Одессы был Париж. В их дворце бывал Марсель Пруст, и один из Эфрусси, Шарль, прадед автора книги, является одним из прототипов Свана в цикле романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

Именно Шарль Эфрусси купил у Эдуарда Мане натюрморт «Пучок спаржи» за сумму, превышающую названную художником. После этого Шарль получил от Мане холст, на котором был написан один стебель спаржи, с запиской «Этот стебелек отвалился от Вашего пучка».

Перечислять коллекции семейства Эфрусси невозможно в коротком тексте. Но об одной картине Огюста Ренуара не могу не написать, вернее, процитировать Эдмунда де Вааля:

«...Именно такой была обстановка смелой картины Ренуара «Завтрак лодочников» (*Le Déjeuner des canotiers*), изображающей очаровательно-подозрительную компанию в «Мэзон Фурнэз» – ресторанчике на Сене... Это послеобеденная сцена в ренуаровском новом мире, состоящем из художников, их покровителей и актрис, где все дружны между собой... Здесь же присутствует Шарль. Он стоит в дальнем левом углу, в цилиндре и черном костюме. Он слегка отвернулся в сторону, и потому лица его почти не видно. Видна лишь рыжая борода. Он беседует с человеком, у которого приятное открытое и плохо выбритое лицо: это Лафорг, одетый, как настоящий поэт, в фуражку рабочего и, может быть, даже куртку...»

После Парижа была Вена с дворцом в самом центре австрийской столицы, на Ринге. Потом нацистская Германия присоединила Австрию к рейху... Начался исход. По всему миру.

А в начале XXI века потомки Эфрусси, братья Эдмунд и Томас, говорящий по-русски, побывали в Одессе. Точно не скажу год, но не ранее 2007 года, потому что уже восстановлен был памятник Екатерине Второй. Они пришли во Всемирный клуб одеситов в поисках информации об оставшихся следах Эфрусси на их родине. Евгений Голубовский познакомил их с Александром Розенбоймом.

«Мы с Томасом встречаемся, как было условлено, с Сашей – юрким миниатюрным ученым лет семидесяти с небольшим. На углу он сталкивается со старым другом – профессором, филологом-компаративистом, и мы направляемся к зданию школы вместе. Том с Сашей беседуют по-русски, а мы с профессором говорим по-английски о Шекспировском институте. Когда мы доходим до школы, профессор нас оставляет, а мы втроем садимся

пить сладкий кофе в кафе в скверике, где на нас бросают пристальные взгляды из бара три проститутки. Я рассказываю Саше о цели своего приезда и о том, что пишу книгу о... Я уже сам не знаю, о чем эта книга: о моей семье, об истории, обо мне самом, о маленьких японских безделушках?»

Легко догадаться, что профессор – Марк Соколянский. А школа – это здание Одесского городского 6-классного училища «Эфрусси» (так в Адресной и справочной книге на 1908 год «Вся Одесса») на Старопортофранковской, теперь школа 99.

«...была еще школа Эфрусси для еврейских детей, основанная Игнацем в честь отца, патриарха семьи, которую тридцать лет продолжали материально поддерживать Шарль, Жюль и Виктор. Она существует до сих пор: это два низких здания у трамвайной линии, на краю пыльного сквера, где среди скамеек с оторванными сиденьями бродят одичавшие собаки. В 1892 году эта школа расписывалась в получении 1200 рублей, пожертвованных братьями Эфрусси. Школьные распорядители купили в Санкт-Петербурге астролябию, мензулу, глобус, стальной нож для резки стекла, скелет и разборную модель глаза. В одесской книжной лавке они истратили 533 рубля 64 копейки на 280 книг: Бичер-Стоу, Свифта, Толстого, Купера, Теккерея и Скотта...

Он вежливо говорит мне, что Горький тоже коллекционировал нэцке. Мы выпиваем еще кофе. Я привез с собой конверт с документами, который нашел в квартире Игги в Токио, между старыми номерами «Архитектурного дайджеста». Саша потрясен тем, что я привез оригиналы, а не копии, но, наблюдая за ним, я замечаю, что он перебирает разные бумаги, точно пианист клавиши.

Там есть документы, свидетельствующие о том, что грозный Игнац, строитель дворца, был в Одессе консулом шведской и норвежской короны, и свидетельство, подписанное царем, о том, что ему позволено носить бессарабскую медаль, и какие-то бумаги из раввината. Это очень старый документ, говорит Саша, с 1870 года они выглядели уже иначе: вот печать, а вот запись об уплате пошлины. Вот подпись губернатора, она всегда очень энергичная – глядите, едва не прорвал бумагу. Поглядите-ка на этот адрес: угол улиц Икс и Игрек! Очень по-одесски. А вот это переписано рукой письмоводителя, почерк очень плохой».

Это людей, только познакомившихся с Сашей, могла поразить его способность перебирать «разные бумаги, как пианист клавиши». Те, кто с Александром Юльевичем дружил долгие годы, знают, сколько часов, дней, лет провел он в архивах, читая, исследуя старинные документы, свидетельства... И сколько написал книг. В одной из них он тоже написал о встрече с наследниками знаменитого рода Эфрусси:

«На месте дома № 4, где жил Гилельс, и соседнего с ним № 6 были встарь дома банкира Игнация Эфрусси, сердечно откликавшегося, как написал о нем А.М. де Рибас в книге «Старая Одесса», на все добрые дела. Одним из них стало создание шестиклассного училища «Эфрусси» на Старопортофранковской, 94, за что учредитель был жалован званием потомственного почетного гражданина Одессы, переходившим ко всем его потомкам по мужской линии, где бы они не жили. Последним был Виктор Эфрусси, человек удивительной судьбы: переводчик у генерала Эйзенхауэра во время высадки союзников в Нормандии, он участвовал затем в войне на Дальнем Востоке, остался и основал крупную фирму в Японии, два года назад умер и погребен в... буддийском храме. На траурной церемонии было отмечено, что покойный имел честь состоять почетным гражданином Одессы... Потомки же Эфрусси по женской линии продолжают здравствовать за рубежом. Один из них, журналист Томас де Ваал, недавно побывал в Одессе, и Театральный переулок одарил его «встречей» с предком, фигура которого в семейных преданиях уже утратила четкие очертания. Потому и интересно ему было узнать, что помимо прочих титулов да должностей состоял Игнаций Эфрусси норвежским и шведским консулом в Одессе». (Ростислав Александров. «Исхоженные детством».)

Замечу, что в тексте Саши (Ростислава Александрова) одна неточность, легко объяснимая – краткость встречи, перевод... Не Виктор, а его двоюродный брат Игнац, взявший в Японии имя Игги, – герой этого сюжета.

Эфрусси, Огюст Ренуар, Саша Розенбойм, которого не стало год тому назад.

Два дома Эфрусси, школа на Старопортофранковской.

Все переплелось в тугой клубок истории, судеб, культуры.